

СОДЕРЖАНИЕ

Дурень	2
Святогор-богатырь	6
Сухман	7
Вольга-богатырь	10
Микулушка Селянинович	14

Дурень

Задумал дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Две избы пусты;
Глянул в подполье:
В подполье черти,
Востроголовы,
Глаза, что ложки,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают.
Дурень им молвил:
«Бог да на помочь
Вам, добрым людям».
Черти не любят,—
Схватили дурня,
Зачали бити.
Стали давити,
Еле живого
Дурня пустили.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то тоже:
«Дурень ты дурень,
Глупый ты Бабин,
То же ты слово
Не так бы молвил;
А ты бы молвил:
«Будь ты, враг, проклят
Имем господним!»
Черти ушли бы,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Заместо клада».
«Добро же, баба,
Ты, бабариха.
Матерь Лукерья,
Сестра Чернава,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.

Увидел дурень,—
Четырех братьев,—
Ячмень молотят.
Он братьям молвил:
«Будь ты, враг, проклят
Имем господним!»
Как сграбят дурня
Четыре брата,
Зачали бити,
Еле живого
Дурня пустили.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень ты дурень,
Глупый ты Бабин,
То же ты слово
Не так бы молвил.
Ты бы им молвил:
«Бог вам на помочь,
Чтоб по сту на день,
Чтоб не спосити».
«Добро же, баба,
Ты, бабаряха,
Матерь Лукерья,
Сестра Чернава,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень,—
Семеро братьев
Матерь хоронят;
Все они плачут,
Голосом воют.
Он им и молвил:
«Бог вам на помочь,
Семеро братьев,
Мать хоронити,
Чтоб по сту на день,
Чтоб не сносити».
Сграбили дурня
Семеро братьев,
Зачали бити,
Стали таскати,
В грязи валяти,
Еле живого
Дурня пустили.
Идет он, дурень,

Домой да плачет,
На голос воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень ты дурень,
То же ты слово
Не так бы молвил,
А ты бы молвил:
«Канун да ладан,
Дай же господь бог
Царство небесно,
Пресветлый рай ей».
Тебя бы, дурня,
Там накормили
Кутьей с блинами».
«Добро же, баба,
Ты, бабариха,
Матерь Лукерья,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати;
Навстречу свадьба,—
Он им и молвил:
«Канун да ладан,
Дай господь бог вам
Царство небесно,
Пресветлый рай всем».
Скочили дружки,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Плетьми стегати,
В лицо хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет.
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Дурень ты дурень,
Ты глупый Бабин;
Ты то же слово
Не так бы молвил;
А ты бы молвил:
«Дай господь бог вам,
Князю с княгиней,
Закон приняти,
Любовно жити,
Детей сводити».
«Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,

На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Попался дурню
Навстречу старец.
Он ему молвил:
«Дай бог те, старцу,
Закон принятьи,
Любовно жити,
Детей сводити».
Как схватит старец
За ворот дурня,
Стал его бити,
Стал колотити,
Сломал костыль весь.
Пошел он, дурень,
Домой, сам плачет,
А мать бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
Ты глупый Бабин;
Ты то же слово
Не так бы молвил;
А ты бы молвил:
«Благослови мя,
Святой игумен».
«Добро же, баба,
Ты, бабариха,
Матерь Лукерья,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити.
Увидел дурень
В бору медведя,—
Медведь за елью
Дерет корову.
Он ему молвит:
«Благослови мя,
Святой игумен».
Медведь на дурня
Кинулся, сграбил,
Зачал коверкать,
Зачал ломати:
Едва живого
Дурня оставил.
Приходит дурень
Домой, сам плачет,
На голос воет,
Матери скажет.
А мать бранити,
Жена пеняти,

Сестра-то также:
«Ты дурень, дурень,
Ты глупый Бабин;
Ты то же слово
Не так бы молвил,
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Заулюлюкал».
«Добро же, баба,
Ты, бабариха,
Матьер Лукерья,
Сестра Чернава,
Вперед я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Идет он, дурень,
Во чистом поле,—
Навстречу дурню
Идет полковник.
Зауськал дурень,
Загайкал дурень,
Заулюлюкал.
Сказал полковник
Своим солдатам.
Схватили дурня,—
Зачали бити;
До смерти дурня
Тут и убили.

Святогор-богатырь

Выезжал ли Святогор гулять в чисто поле,
Никого-то, Святогор, он не нахаживал,
С кем бы силой богатырскою помериться;
А сам чует в себе силу он великую,
Чует — живчиком по жилкам разливается.
Грузно с силы Святогору, как от бремени.
И промолвил Святогор-свет похваляючись:
«По моей ли да по силе богатырской
Каб державу мне найти, всю землю поднял бы».
С тех слов увидел Святогор прохожего —
Сдалека в степи идет прохожий с сумочкой, —
И поехал Святогор к тому прохожему,
Едет рысью, все прохожий идет передом, —
Во всю прыть не может он догнать прохожего.
Закричал тут Святогор да громким голосом:
«Гой, прохожий человек, пожди немножечко.
Не могу догнать тебя я на добром коне».
Сдалека прохожий Святогора слушался,

Становился, с плеч на землю бросал сумочку.
Наезжает Святогор на эту сумочку.
Своей плеточкой он сумочку пощуповал, –
Как урослая, та сумочка не тронется.
Святогор с коня перстом ее потрогивал, –
Не сворохнется та сумка, не шевельнется.
Святогор с коня хватал рукой, потягивал, –
Как урослая, та сумка не поднимется.
Слез с коня тут Святогор, взялся за сумочку,
Он приладил, взялся руками обеими,
Во всю силу богатырску принатужился, –
От натуги по белу лицу ала кровь пошла,
А поднял суму от земли только на волос.
По колена ж сам он в мать сыру землю угряз.
Взговорит ли Святогор тут громким голосом:
«Ты скажи же мне, прохожий, правду истинну,
А и что, скажи ты, в сумочке наложено?»
Взговорит ему прохожий да на те слова:
«Тяга в сумочке от матери сырой земли».
Взговорит тут Святогор да ко прохожему:
«А ты сам кто есть, как звать тебя по имени?»
Взговорит ему прохожий ли на те слова:
«Я Микула есмь; мужик я, Селянинович,
Я Микула, – меня любит мать сыра земля».

Сухман

Как у ласкова князь Владимира
Пированье шло, шел почестен пир
На бояр, князей, добрых молодцев.
На пиру-то все порасхвастались:
Один хвастает золотой казной,
Другой хвастает что добрым конем,
Сильный хвастает своей силою,
Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает старой матерью.
За столом сидит, призадумавшись,
Богатырь Сухман Одихмантьевич,
И ничем Сухман он не хвастает.
Тут Владимир-князь, красно солнышко,
Сам по горенке он похажива(е)т,
Желтыми кудрями он потряхива(е)т,
Одихмантьичу выговарива(е)т:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
Что не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белой лебеди ты не рушаешь,
И ничем в пиру ты не хвастаешь?»
Взговорил Сухман таковы слова:
«Если хвастать мне ты приказываешь,
Привезу ж тебе я, похвастаю,
Лебедь белую не кровавлену
И не ранену, а живьем в руках».

И вставал Сухман на резвы ноги,
Он седлал коня своего доброго,
Выезжал Сухман ко синю морю,
Ко синю морю, к тихим заводям.
Подъезжал Сухман к первой заводи,
Не наезживал белых лебедей.
Подъезжал Сухман к другой заводи,
Не нахаживал гусей-лебедей,
И у третьей тихой заводи –
Нет серых гусей, белых лебедей.
Тут Сухмантьюшка призадумался:
«Как поеду я в славный Киев-град?
Что сказать будет князь Владимиру?»
И поехал он к мать Непре-реке:
Глядь, течет Непра не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
А вода с песком в ней смутилася.
Тут Непру-реку Сухман спрашивал:
«Что течешь ты так, мать Непра-река,
Не по-старому, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?»
Исповещится мать Непра-река:
«Я затем теку не по-старому,
Не по-прежнему, по-старинному,
Что стоят за мной, за Непрой-рекой,
Сорок тысячей злых татаровей.
Они мост мостят с утра до ночи.
Что намостят днем, то в ночь вырою.
Да из сил уж я выбиваюся».
Взговорил Сухман таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая –
Не отведать мне сил татарских».
И пустил коня своего доброго.
Через Непру-реку перескакивал,
Не мочил копыт его добрый конь.
Подбежал Сухман ко сыру дубу,
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дуб с кореньями выворачивал.
А с комля дуба белый сок бежал;
Ту дубиначку за вершину брал
И пустил коня на татаровей.
Стал Сухмантьюшка поворачивать,
Той дубиначкой стал помахивать.
Как махнет вперед – станет улица,
Отвернет назад – переулочек.
Всех побил татар Одихмантьевич,
Убежало ли три тата рченка, –
Под кусточками, под ракиновыми
У Непры-реки схоронилися.
Подъезжал Сухман к мать Непре-реке,
Из-под кустиков в Одихмантьича
Три тата рченка стрелки пустили
Во его бока, в тело белое.
Свет Сухмантьюшка стрелки выдернул

Из своих боков, из кровавых ран,
Листьем маковым позатыкивал
И спорол ножом трех тата рченков.
Приезжал Сухман к князь Владимиру.
Привязал коня на дворе к столбу.
Сам входил Сухман во столовую.
Тут Владимир-князь, красно солнышко,
Сам по горенке он похаживает,
Одихмантьичу выговаривает:
«Что ж, Сухмантьюшка, не привез ты мне
Лебедь белую не кровавлену?»
Взговорит Сухман таковы слова:
«Гой, Владимир-князь, за Непрой-рекой
Доходило мне не до лебедей.
Повстречалась мне за Непрой-рекой
Сила ратная в сорок тысячей:
Шли во Киев-град злы татаровья,
С утра до ночи мосты ладили,
А Непра-река вырывала в ночь,
Да из сил она выбивалася.
Я пустил коня на татаровей
И побил их всех до единого».
Володимир-князь, красно солнышко,
Тем словам его не уверовал,
Приказал слугам своим верным
Брать Сухмантия за белы руки,
В погреба сажать во глубокие;
А Добрынюшку посылал к Непре
Про Сухмантьевы сведать заработки.
Встал Добрынюшка на резвы ноги,
Он седлал коня своего доброго,
Выезжал в поле к мать Непре-реке,
Увидал – лежит сила ратная,
В сорок тысячей, вся побитая.
И валяется дуб с кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.
Дуб Добрынюшка подымал с земли,
Привозил его ко Владимиру,
Так Добрынюшка выговаривал:
«Правдой хвастает Одихмантьевич:
За Непрой-рекой я видал – лежат
Сорок тысячей злых татаровей,
И дубиночка Одихмантьича
На лучиночки вся исщепана».
Тут велел слугам Володимир-князь
В погреба идти во глубокие,
Выводить скорей Одихмантьича,
Приводить к себе на ясны очи;
Таковы слова выговаривал:
«За услуги те за великие
Добра молодца буду миловать,
Буду жаловать его до любви
Городами ли с пригородками,
Еще селами да с приселками,

Золотой казной да бессечною». В погреба идут во глубокие
К Одихмантьичу слуги верные,
Говорят ему таковы слова:
«Выходи, Сухман, ты из погреба:
Володимир-князь тебя милует,
За твои труды за великие
Хочет солнышко тебя жаловать
Городами ли с пригородками,
Еще селами да с приселками,
Золотой казной да бессечною».
Выходил Сухман во чисто поле,
Говорил Сухман таковы слова:
«Гой, Владимир-князь, красно солнышко,
Не умел меня в пору миловать,
Не умел же ты в пору жаловать,
А теперь тебе не видать будет,
Не видать меня во ясны очи».
И выдергивал Одихмантьевич
Из кровавых ран листье маково,
Свет Сухмантьюшка приговаривал:
«Потеки река от моей крови,
От моей крови от горючие,
От горючие, от напрасные,
Потеки Сухман, ах Сухман-река,
Будь Непре-реке ты родна сестра».

Вольга-богатырь

Что не мелки часты звездочки
Рассажились по поднебесью,
Что ни ясен светел месяц
Просветил в небе высоком,—
Осветило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушке
Народился удал молодец
Свет Вольга – сударь Буслаевич;
От рожденья богатырского
Потряслась мать сыра земля,
Море сине всколыбалось,
Рыбы в глубь моря забились,
Звери в чащи схоронились,
Потряслось царство турецкое.
Вырастал Вольга семи годов –
Захотел он много мудрости.
К мудрецам задался в выучку,
И в наук пошло учение.
Понимал Вольга все мудрости:
Обучился первой мудрости –
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости –

Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости –
Серым волком ся обертывать.
Как и стал Вольга в пятнадцать лет,
Подбирал Вольга дружинишку;
И собрал он себе ровнюшек –
Удалых ли добрых молодцев –
Тридцать братьев без единого,
Становился сам в тридцатых.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
Тридцать братьев без единого.
Сам Вольга я во тридцатых. –
Вы большого брата слушайте,
Повелено дело делайте:
Повяжите сети шелковы,
Опускайте в море синее».
Тут Вольгу дружина слушалась:
Повязала сети шелковы,
Опускала в море синее.
Рыбой Вольга ся обертывал,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплыл глубокие,
Распугал всю рыбу красную,
Загонял рыбу во часты сети.
Как и стал Вольга с дружиною.
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
Тридцать братьев без единого,
Сам Вольга я во тридцатых, –
Брата большого вы слушайте,
Повелено дело делайте:
Вейте шелковы веревочки,
Расстанавливайте по лесу,
На звериных ли на тропочках».
Тут Вольгу дружина слушалась;
Вила шелковы веревочки,
Расстанавливала по лесу,
Зверем Вольга ся обертывал,
Серым волком голенастым,
Поскакал в леса дремучие,
Во глухи ломы, во чащицы.
Распугал он зверя кунного,
Загонял зверя во петельки.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Половили мы всю рыбушку
Из синя моря глубокого,
Половили зверя кунного
Из темных лесов дремучиих:

А и будет ли тот молодец,
Чтоб сходил в царство турецкое
Ко царю Салтан Бекетычу,
Сведать думу его царскую».
Молодцы тут стали прятаться,
Что большой да за среднего,
А средний что за меньшего,
А ответа нет от меньшего.
Говорит Вольга Буслаевич:
«Вольге будет самому идти».
Птицей Вольга ся обертывал,
Высоко взвился под небесью:
Прилетал в царство турецкое,
На оконце сел косяцато.
Сидит царь Салтан Бекетович
Со царицею Давыдьевной, –
Разговоры разговарива(е)т:
Говорит Салтан Бекетович:
«Ты, жена моя возлюбленна,
Молода ли свет Давыдьевна,
Воевать хочу святую Русь,
Хочу взять я славный Киев-град,
Подарить хочу по городу
Девяти сынам по русскому;
Да привезть хочу я шубоньку
Дорогую, соболиную».
Взговорит ему Давыдьевна:
«Гой ты, царь Салтан Бекетович!
Ты напрасно снаряжаешься
Воевать на землю русскую.
Али ты того не ведаешь –
На Руси все не по-старому.
Осветило красно солнышко
Славному землю святорусскую:
Народился удал молодец
Богатырь Вольга Буслаевич.
Он теперь, Вольга Буслаевич,
На окне сидит и слушает
Наши речи с тобой тайные.
Не возьмешь ты славный Киев-град,
Не подаришь ты по городу
Девяти сынам по русскому,
А пропасть твоей головушке
От того Вольги Бусла(е)вича».
Тем словам Салтан не веровал,
На царицу царь прогневался –
По лицу ударил белому,
Прогонял он с глаз Давыдьевну.
Догадался Вольга Буслаевич,
Горностаем ся обертывал,
В погреба бежал глубокие.
Он тетивочки шелковые
На луках тугих накусывал,
С каленых-от стрел железочки

Он повынимал – закапывал,
Оборачивался птицею,
Прилетал назад ко Киеву,
Собирал свою дружинишку,
Подходил к царству турецкому.
Царство крепко огорожено
Стеной каменной, высокою.
Во стене ворота крепкие,
По булату золоченые,
А засовы – крюки медные,
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Мелким вырезом вырезана,
По мудреным мелким вырезам
В пору ли пролезть мурашику.
Тут дружина закручинилась:
«Как пройти нам стены каменные?
Погубить ли добрым молодцам
Нам головушки напрасные?»
Догадался Вольга Буслаевич:
Мурашом себя обертывал,
Добрых молодцев мурашками, –
Пролезал с своей дружиною
В подворотню зуба рыбьего;
За стеной Вольга Буслаевич
Оборачивал мурашиков
Молодцами с сбруей ратною.
Взговорит ли Вольга Буслаевич:
«Вы большого брата слушайте.
Повелено дело делайте:
В славном царстве во турецкиим
Вырубайте стар и малого.
Изведите всех до кореня:
Оставляйте только лучших
Тридцать душек красных девушек».
Тут Вольгу дружина слушалась:
В славном царстве во турецкиим
Вырубала стар и малого,
Изводила всех до кореня,
Не оставила на семена;
Оставляла только лучших
Тридцать душек красных девушек.
Сам Вольга царя отыскивал
Во палатах его каменных:
Двери заперты железные,
Во дверях засовы крепкие;
Взговорит ли Вольга Буслаевич:
«Хоть ногу сломать, а выставить!»
Пнул ногой двери железные,
Поломал засовы крепкие;
Царя славного турецкого
Брал Вольга за ручки белые.
Говорил Вольга Буслаевич:
«А не бьют царей, не казнят вас», –
Царя хлопнул о кирпичат пол,

И расшиб Салтана вдребезги.
Тут дружину свою храбрую
Вольга поровну оделивал –
Табунов коней по тысяче,
По бочонку красна золота
Да по девушке на молодца.

Микулушка Селянинович

Выезжал ли Вольга-свет с дружиною
По селам, городам за получкою,
С мужиков выбирать дани-выходы;
Выезжал ли сударь во чисто поле, –
Услыхал во чистом поле пахаря:
Слышно – пашет мужик да посвистыва(е)т,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)т,
Сошники по камням, слышно, черкают, –
А не видно нигде в поле пахаря.
И поехал Вольга к тому пахарю –
Целый день ехал с утра до вечера,
А наехать не мог Вольга пахаря.
День другой ехал с утра до вечера,
А наехать не мог Вольга пахаря.
Слышно – пашет мужик, да посвистыва(е)т,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)т,
Сошнички по камням, слышно, черкают, –
А не видно нигде в поле пахаря.
Третий день Вольга ехал до пабедья –
Наезжает Вольга в поле пахаря:
В поле пашет мужик, да понукива(е)т,
С края в край он бороздку отвалива(е)т,
Камни, корни сохой выворачива(е)т:
Как заедет мужик-от в один конец –
Со другого конца и не виднушко.
А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники во той сошке булатные,
Захлеснуты гужочки шелковеньки,
А кобылка во сошке соловенька.
Взговорит ли Вольга тому пахарю:
«Гой, мужик-пахарек! Божья помощь те, –
Божья помощь пахать да крестьянствовать,
Широку борозду отворачивать
Да коренья, камня вывертывать!»
Говорит ли мужик таковы слова:
«А спасибо, Вольга, – благодарствуем, –
Божья помощь, поди-тка, нам надобна.
Божья помощь – пахать да крестьянствовать.
Сам далеко ль едешь, со дружинушкой?
Далеко ль бог несет, – куда путь держишь?»
Взговорит ли Вольга таковы слова:
«А я еду, мужик, со дружинушкой
По селам-городам за получкою –

Выбирать с мужиков дани-выходы.
Ай, пойдем со мной во товарищах!»
Взял мужик, воткнул сошку в бороздочку,
Он гужочки шелковы взял выстегнул,
Взял из сошки кобылку да вывернул,
На кобылку ввалился, сел охлепью –
Со Вольгою поехал в товарищах.
Говорит ли мужик таковы слова:
«А не ладно, Вольга, я в бороздочке
Свою сошку оставил не убранны,
Как бы сошка с земельки повыдернуть,
С сошничков как бы землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов куст...»
Посылал тут Вольга десять молодцов:
Велит сошку с земельки повыдернуть,
С сошничков велит землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов куст.
Подъезжали ко сошке те молодцы,
Соскочили в борозду с добрых коней,
Разом брались за сошку кленовеньку.
От земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут с земли сошку выдернуть,
Не могут с сошников землю вытряхнуть, –
А и бросить сошка за ракитов куст.
А и шлет ли Вольга всю дружинишку:
Велит сошку с земельки повыдернуть,
С сошничков велит земельку повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов куст.
Вот за сошку бралась вся дружинишка,
Разом бралась за сошку кленовую, –
Только сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут с земли сошку выдернуть,
Не могут с сошничков землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитов куст.
Подъезжал тут мужик, деревенщина:
Он слезал со кобылки соловенькой,
Подходил к своей сошке кленовенькой,
Брался ручкой одной да попёхивал,
Из земельки он сошку выдергивал,
С сошничков он земельку вытрёхивал,
Он палицей комлыжки соскребывал,
А и бросил сошка за ракитов куст.
На добрых коней сели, – поехали.
Выезжают они на дороженьку –
Мужикова кобылка ходой идет,
А Вольгин-от конь уж поскакивает;
Мужикова кобылка рысцою пошла,
А Вольгин-от уж конь оставаться стал.
Передом мужик едет, не тряхнется, –
Во всю прыть Вольга едет сугоною.
Мужику тут Вольга стал покрикивать,
Мужику колпаком стал помахивать:
«Ты, мужик-пахарек, ты постой, пожди,

За тобою, мужик, не угонишься».
На Вольгу тут мужик приглянулся,
Стал кобылку свою окорачивать,—
И поехали шагом дорожкойю.
Взговорит ли Вольга таковы слова:
«У тебя ли, мужик, лошадь добрая —
Кабы лошадь твоя да коньком была,—
За лошадку пена бы пятьсот рублей».
Говорит ли мужик таковы слова:
«А и глуп ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь,
Я кобылочку взял из-под матери.
За сосунчика дал я пятьсот рублей;
А коньком бы была — ей и сметы нет».
Взговорит ли Вольга таковы слова:
«А и как ты, мужик, звать по имени —
Величать тебя как по изотчеству!»
Говорит ли мужик таковы слова:
«А я ржи напашу, во скирды сложу,
Домой выволоку, дома вымолочу.
Да и пива сварю, мужиков сзову,
И почнут мужики тут покликивать:
«Гой, Микула-свет, ты Микулушка,
Свет Микулушка да Селянинович!»